

Диана Фурсова

РАЗВОД с драконом

Повариха для его
проклятых наследников

Диана Фурсова

**Развод с драконом. Повариха
для его проклятых наследников**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Развод с драконом. Повариха для его проклятых наследников /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

В день развода мой муж-дракон подарил мне не свободу, а старую заброшенную кухню у нижних ворот. Совет решил, что это милость. Новая избранница Каэрдана — что это моё окончательное унижение. А я просто растопила Медную Печь и хотела пережить первую ночь без его имени, его защиты и его холодного молчания. Только в кладовой я нашла не мышей. Там пряталась маленькая наследница драконьего рода — голодная, испуганная и уверенная, что она тоже никому не нужна. А потом пришёл её старший брат. Злой, упрямый мальчик с опасной драконьей искрой в руках и болью в глазах. В замке их называют проклятыми наследниками. Совет хочет убрать детей подальше. Новая невеста дракона хочет стать хозяйкой Грозового Клыка. А мой бывший муж слишком поздно понял, что не знает собственных детей. Но Медная Печь проснулась. И оказалось, что старая кухня — не наказание для ненужной жены, а сердце замка, где хранятся забытые клятвы рода Вейр. Теперь мне придётся выбрать: уйти свободной женщиной или остаться там, где меня впервые назвали своей.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Развод у Грозового Клыка	5
Глава 2. Медная Печь	14
Глава 3. Повариха для проклятых наследников	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1. Развод у Грозового Клыка

В день, когда мой брак с Каэрданом Вейром решили расторгнуть, в Грозовом Клыке пекли праздничные пряники.

Я поняла это ещё до того, как за мной пришли. Сначала по запаху — тёплому, сладкому, с корицей, мёдом и жареным орехом. Потом по шагам служанок за дверь: быстрым, взволнованным, слишком лёгким для обычного утра. В такие дни в замке не ходили — порхали, шептались, роняли ленты, таскали серебряные блюда из кладовых и смеялись так, будто у каждого во рту лежала маленькая тайна.

Только меня в эту тайну не посвятили.

Я стояла у окна своей комнаты и смотрела на двор, где ветер гонял по каменным плитам сухие листья. Над башнями Грозового Клыка висело низкое серое небо, и замок, вырубленный в чёрной скале, казался живым зверем: нахмуренным, тяжёлым, готовым сомкнуть челюсти на любом, кто окажется слабее.

Когда-то мне сказали, что я должна гордиться тем, что вошла в род Вейров. Драконий род. Древний, сильный, опасный, почитаемый Советом и ненавидимый теми, кто хоть раз стоял перед его воротами без защиты.

Я тогда действительно пыталась гордиться.

Пыталась быть достойной женой Каэрдана Вейра, хозяина Грозового Клыка. Училась говорить меньше, чем хотелось. Улыбаться, когда на меня смотрели с жалостью. Не вздрагивать от драконьего рыка, который иногда прокатывался под стенами, когда Каэрдан возвращался с ночных полётов. Не спрашивать, почему он никогда не задерживает взгляд на моём лице дольше положенного.

Больше всего я училась не ждать.

Не ждать его шагов в коридоре. Не ждать разговора за ужином. Не ждать, что однажды он остановится рядом, заметит, как я сама меняла занавеси в холодной западной галерее, как уговаривала поваров не выбрасывать вчерашний хлеб, а делать из него горячие ломти с сыром для нижнего двора, как напоминала, кто из слуг боится темноты, кто прячет кашель, кто плачет по ночам из-за письма из дома.

Грозовой Клык принимал меня плохо. Не открыто враждебно, нет. Вражда хотя бы честна. Меня просто не замечали.

Пока в коридоре не остановились шаги.

Я не обернулась сразу. Сначала посмотрела на своё отражение в потемневшем оконном стекле. Бледное лицо, тёмные волосы, убранные слишком просто для хозяйки драконьего замка, платье цвета выгоревшей сливы. На рукаве — крошечное пятнышко муки, которое я не заметила после утренней возни на кухне.

Смешно. В день моего развода я выглядела не как драконья леди, а как женщина, которую всю жизнь тянуло туда, где горит печь и пахнет хлебом.

В дверь постучали.

— Госпожа Нэяра, — произнёс Бринт Ольхар, управляющий замком. Его голос всегда был ровным, словно он заранее считал каждое слово и не позволял себе потратить лишнее. — Совет ожидает вас в большом зале.

Я провела пальцами по рукаву, пытаюсь стереть муку, но пятнышко только размазалось светлой полосой.

— Совет? — спросила я, хотя уже знала ответ.

За дверь возникла небольшая пауза.

— Да, госпожа.

Госпожа. До сегодняшнего утра это слово принадлежало мне по закону, но никогда по-настоящему. Слуги произносили его как обязанность, Совет — как ошибку, Каэрдан — почти никогда.

Я подошла к двери и открыла её сама. Бринт стоял в коридоре, сухой, высокий, в тёмном камзоле с серебряной цепью ключей на поясе. Он был старше Каэрдана лет на двадцать и служил этому дому так давно, что, казалось, сам стал частью его камней.

Сегодня он не смотрел мне в глаза.

От этого стало хуже.

— Праздник? — спросила я негромко.

Бринт едва заметно сжал губы.

— Кухня получила распоряжение подготовить стол для Совета.

— С пряниками?

Он всё же поднял взгляд. На одно мгновение в нём мелькнуло что-то похожее на сочувствие, но тут же исчезло, будто он закрыл ставни.

— Это не моё распоряжение, госпожа.

Вот и всё. Этого было достаточно.

Я вышла в коридор и пошла рядом с ним, не спрашивая больше ничего. Замок уже знал обо мне всё, чего я ещё не слышала. Знал и радовался, потому что чужое падение всегда развлекает тех, кто давно ждёт, когда освободится место у сильного плеча.

В галерее пахло воском, камнем и дождём. На стенах висели старые щиты Вейров, потемневшие от времени, с выбитым знаком рода: дракон, обвивший башню. Когда я впервые увидела этот герб, мне показалось, что дракон защищает дом. Позже я поняла: он может и охранять, и держать в кольце, не выпуская наружу тех, кто ему больше не нужен.

По пути нам встретились две служанки. Они прижались к стене, низко склонили головы, но одна не удержалась и быстро глянула на меня снизу вверх. В её взгляде было не злорадство, а жадное любопытство. Будто я шла не в большой зал, а на рыночную площадь, где меня должны были выставить на обозрение.

Я выпрямила спину.

Когда тебя ведут на унижение, единственное, что ещё принадлежит тебе полностью, — это шаг.

Большой зал Грозового Клыка открывался тяжёлыми створками, которые обычно распахивали только для приёмов, клятв и судов. Сегодня всё было сразу.

Пламя в чашах вдоль стен горело ровно, не коптило, не трещало, словно даже огонь здесь знал своё место. Под сводами висели чёрные и серебряные полотнища рода Вейр. В глубине зала, на возвышении, стоял длинный стол Совета, за ним сидели пятеро старших родов, а в центре — Эльгард Норр, человек с лицом, на котором годы высекали не мудрость, а привычку решать чужие судьбы.

Каэрдан стоял справа от него.

Я увидела мужа сразу, хотя заставила себя не смотреть слишком долго. Высокий, широкоплечий, в тёмном камзоле с драконьей застёжкой у горла, он был именно таким, каким его любили описывать придворные женщины: суровым, красивым, опасным. Его чёрные волосы были собраны у затылка, а глаза, золотисто-серые, как грозовое небо перед молнией, смотрели не на меня, а куда-то поверх моей головы.

В этом взгляде не было ненависти.

Это и было самым страшным.

Ненависть означала бы, что я что-то значила. Обида — что я задела. Гнев — что между нами ещё оставалась связь, пусть даже рваная и болезненная. Но Каэрдан смотрел так, будто перед ним стояла не жена, прожившая рядом с ним три года, а условие договора, которое наконец-то решили убрать из текста.

Слева от него стояла Саверина Моргасс.

Я видела её раньше всего дважды, но таких женщин не забывают. Светлые волосы, уложенные волнами, платье цвета тёплого жемчуга, тонкая шея, спокойная улыбка человека, который вошёл в комнату и сразу понял, где здесь лучшее место. Она не была вызывающей. Не торжествовала открыто. Не цеплялась за рукав Каэрдана, не играла в победительницу.

Именно поэтому каждый в зале понимал: она уже победила.

Я остановилась перед Советом. Бринт отошёл в сторону, и за моей спиной закрылись двери. Звук вышел тяжёлым, окончательным.

— Нэяра Сольм, — произнёс Эльгард Норр.

Не Вейр.

Сольм.

Я почувствовала это имя как удар, хотя лицо осталось спокойным. Имя, с которым я пришла в этот замок. Имя, которое здесь редко произносили без снисходительной складки у губ. Малый род, почти исчезнувший, без драконьей силы, без войска, без права спорить с теми, кто сидел сейчас под чёрными полотнищами.

— Совет рассмотрел прошение Каэрдана Вейра, главы рода Грозового Клыка, — продолжил Эльгард. — А также заключение родовых свидетелей и старших хранителей. Брачный союз между вами и Каэрданом Вейром признаётся утратившим значение для рода.

У меня внутри что-то тихо сжалось, но я не позволила себе вдохнуть резко.

Утратившим значение.

Три года моей жизни поместились в эти два слова.

— Причина? — спросила я.

Мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

Кто-то из советников едва заметно поднял брови. Наверное, мне полагалось молчать, кивать и благодарить за то, что меня не выгнали сразу за ворота.

Эльгард сложил руки перед собой.

— Союз заключался ради укрепления дома Вейр. За три года вы не проявили качеств, необходимых супруге драконьего лорда. Вы не смогли войти в управление родом, не завоевали доверия верхнего двора, не дали Совету оснований считать вас полезной для будущего Грозового Клыка.

Полезной.

Я вспомнила, как прошлой зимой три дня держала нижнюю кухню на себе, когда главный повар слёг от усталости после ледяного обвала у восточной стены. Вспомнила, как кормила людей горячей похлёбкой, пока мужчины расчищали завал, а женщины шили одеяла для пострадавших. Вспомнила, как Бринт тогда сказал: “Без вас двор бы взбунтовался”. Тихо сказал, в кладовой, чтобы никто не услышал.

Это, конечно, не считалось.

Польза в Грозовом Клыке измерялась не тем, сколько людей согрелось у твоей печи. Она измерялась кровью, властью и тем, насколько красиво ты стоишь рядом с драконом, не мешая ему смотреть на другую.

— Каэрдан, — произнесла я.

В зале стало чуть тише.

Он наконец посмотрел на меня.

Я не знала, чего ждала в этот миг. Может быть, одной фразы. Не защиты, нет. Я давно перестала быть настолько глупой. Но хотя бы правды. Хотя бы признания, что не Совет один решил выбросить меня из его жизни.

— Это твоё прошение? — спросила я.

У него на щеке дрогнула тень. Совсем немного, почти незаметно.

— Да.

Одно слово.

Не “прости”. Не “так нужно”. Не “я пытался”. Просто да.

Я кивнула.

Внутри было пусто. Не спокойно, нет. Спокойствие приходит позже, когда боль уже нашла себе место и перестала биться о рёбра. А сейчас внутри словно вынули всё, что могло удерживать меня на ногах, и оставили только привычку не падать при чужих людях.

Саверина опустила глаза. Не от стыда. Скорее, чтобы спрятать победу под ресницами.

— Согласно брачному соглашению, — продолжил Эльгард, — после расторжения союза вы теряете право на покои западного крыла, участие в управлении замком и обращение к вам титулом дома Вейр. Ваши личные вещи будут собраны и переданы до заката.

Я молчала.

— Однако род Вейр не оставляет вас без милости, — сказал он.

И вот тут по залу прошёл лёгкий шорох. Слуги у стен, родовые свидетели, младшие советники — все чуть подались вперёд. Милость всегда интереснее приговора. В милости больше места для издевательства.

— У нижних ворот расположено старое хозяйственное крыло, известное как Медная Печь, — произнёс Эльгард. — Помещение давно не используется, но пригодно для проживания после приведения в порядок. Совет постановил передать его вам в пользование сроком на один год. Вы сможете содержать себя честным трудом, не покидая земли Грозового Клыка до завершения всех формальностей.

Кто-то тихо усмехнулся.

Я не посмотрела в ту сторону.

Медная Печь.

Даже я, прожившая в замке три года на положении лишней мебели, слышала об этом месте. Старая кухня у нижних ворот. Заброшенная, закопчённая, с проваленной кладовой, где по слухам бегали крысы величиной с сапог. Когда-то там готовили для стражи и приезжих обозов, но потом новый управляющий перевёл всё в верхние кухни, ближе к господским залам, а Медную Печь закрыли.

Теперь её отдавали мне.

Не дом. Не деньги. Не возможность уехать.

Кухню.

В зале это выглядело как насмешка: бывшая жена дракона опускается к очагам, котлам и грязным каменным полам. Женщина, которая не стала хозяйкой замка, пусть попробует стать хозяйкой развалившейся печи.

И самое странное — где-то глубоко, под обидой и стыдом, я вдруг почувствовала не только боль.

Я почувствовала почву под ногами.

Кухня не пугала меня. Грязь можно отмыть. Печь можно растопить. Сломанные полки можно починить, если найти доски и упрямого плотника. С людьми бывает гораздо труднее, чем с камнем, огнём и тестом.

— Я могу отказаться? — спросила я.

Эльгард посмотрел на меня внимательно. Теперь в его глазах появилось раздражение.

— Вы можете покинуть земли Грозового Клыка без содержания, защиты и права на возвращение. В таком случае род Вейр не несёт за вас ответственности.

Вот оно. Милость с верёвкой внутри.

Я могла уйти — в серый дождливый мир за воротами, без денег, без родных, без имени, которое хоть что-то значило. Малый род Сольм давно истаял, как соль в воде: дальние родственники, пустующий дом у северной дороги, несколько старых писем и память о матери, которая перед смертью просила меня “держаться тепла, Нэя, потому что оно честнее людей”.

Я могла уйти.

Но они хотели, чтобы я ушла сломленной.

— Я принимаю Медную Печь, — сказала я.

Улыбка Саверины стала чуть мягче. Почти доброй. Наверное, ей понравилось, что я не устроила сцены. Красивым женщинам, которые побеждают без крика, неприятно, когда проигравшие портят им воздух.

— Разумное решение, — сказал Эльгард. — С этого дня вы более не являетесь супругой Каэрдана Вейра.

Он поднял ладонь, и один из младших хранителей вынес узкую чёрную шкатулку. Внутри лежал брачный обруч — не мой, а родовой, тот самый, который Каэрдан надел мне на руку три года назад перед этим же Советом. Серебряный, с тонкой драконьей чешуёй по краю. Он всегда был холодным, сколько бы я ни грела его пальцами.

— Знак рода, — напомнил Эльгард.

Я медленно сняла обруч.

Казалось бы, простое движение. Металл скользнул по коже, оставив светлую полосу на пальце. Но вместе с ним с меня будто сняли не украшение, а последнюю глупую надежду, которую я всё ещё носила из упрямства, стыда или страха признаться себе, что всё кончилось намного раньше.

Я подошла к столу Совета и положила обруч в шкатулку.

Не бросила. Не сжала до боли. Не дала им удовольствия увидеть, как у меня сорвётся рука.

— Благодарю за ясность, — сказала я.

Эльгард нахмурился. Он ждал слёз, мольбы, обвинений. Слёзы были бы удобны. Мольба — привычна. Обвинения — легко наказуемы.

А благодарность за ясность звучала почти как оскорбление.

Каэрдан смотрел на мою руку. На светлую полосу там, где больше не было обруча. Его лицо оставалось закрытым, но я заметила, как пальцы на его правой руке медленно согнулись, будто он хотел что-то удержать и не успел.

Поздно.

Я повернулась, собираясь уйти, но Саверина вдруг сделала шаг вперёд.

— Нэяра, — произнесла она мягко.

Вот теперь в зале стало по-настоящему тихо. Её голос был красивым: низким, тёплым, с той осторожной нежностью, которую легко принять за великодушие, если не видеть, как точно человек выбирает момент.

Я остановилась.

— Я понимаю, что этот день для вас непрост, — сказала Саверина. — Надеюсь, со временем вы увидите, что решение Совета избавляет всех нас от лишней боли. Иногда место рядом с сильным мужчиной занимает не та, кто пришла первой, а та, кто действительно способна идти с ним до конца.

Вежливые слова. Аккуратные. Без прямого удара.

Только в каждом была игла.

Я посмотрела на неё и впервые за всё утро позволила себе улыбнуться. Не широко, не зло. Просто так, чтобы она поняла: я услышала не только то, что было сказано, но и то, что она спрятала между строк.

— Тогда желаю вам крепких ног, Саверина, — ответила я. — Дорога рядом с Каэрданом Вейром обычно холоднее, чем кажется из большого зала.

У кого-то за моей спиной вырвался короткий вдох. Саверина не изменилась в лице, но её пальцы на мгновение слишком сильно сжали складку платья.

Каэрдан резко поднял глаза.

Я не стала ждать его реакции.

Поклонилась Совету ровно настолько, насколько требовали приличия, и пошла к выходу. Створки открылись передо мной медленно, с тяжёлым скрипом. За ними был коридор, запах воска и всё тот же сладкий дух праздничных пряников, от которого теперь тошнило.

Я не заплакала ни в галерее, ни у лестницы, ни тогда, когда мимо прошла молодая служанка с серебряным подносом и так растерялась при виде меня, что чуть не уронила чаши. Я даже помогла ей удержать край подноса.

— Осторожнее, — сказала я.

— Простите, госпо... — Она осеклась так резко, будто сама себя ударила.

Я убрала руки.

— Нэяра, — подсказала я. — Теперь просто Нэяра.

Девушка побледнела. Не от моей резкости, которой не было, а от того, что ей пришлось первой произнести новую правду вслух.

Я пошла дальше.

В своих покоях я позволила себе остановиться только у порога. Комната за утро уже перестала быть моей. Не потому, что в ней что-то изменилось, а потому, что я сама вдруг увидела её чужими глазами. Кровать с резными столбиками, тяжёлый сундук у стены, зеркало в серебряной раме, кресло у камина, где я провела не один вечер с вышивкой, к которой у меня никогда не лежала душа. Всё это было выбрано не мной. Поставлено не для меня. Даже цвет занавесей когда-то утвердила старшая распорядительница, потому что “ледяная сирень пристойна для супруги драконьего лорда”.

Пристойна.

Я открыла сундук и достала дорожную сумку.

Собираться оказалось легче, чем жить здесь. Несколько платьев попроще, тёплая шаль, гребень матери, связка записанных мной кухонных мерок и старый нож с деревянной ручкой, который когда-то подарил мне отец. Не оружие — кухонный нож, крепкий, удобный, с потемневшим лезвием. Отец говорил, что хороший нож не делает женщину слабее, если она знает, для чего берёт его в руку.

Я завернула его в полотенце и положила на дно сумки.

Когда открыла маленький ящик у кровати, там лежали письма. Не любовные. Таких у меня не было. Письма от закупщиков, заметки о припасах, список людей нижнего двора, которым зимой нужно было выдавать горячую еду раньше остальных. Каэрдан никогда не спрашивал, зачем я это веду. Совет назвал бы это мелочами.

Я забрала и их.

Уже у двери задержалась, оглянулась и увидела на каминной полке маленькую фигурку дракона из красной глины. Её слепила Лиора в прошлом году во время осеннего праздника. Девочка тогда сидела отдельно от других детей, угрюмая, с руками, спрятанными в широких рукавах. Никто не звал её играть, а она делала вид, что ей всё равно. Я поставила перед ней блюдо с тёплыми булочками и сказала, что драконы из теста получаются хуже, чем из глины, потому что их слишком быстро съедают.

Лиора тогда не улыбнулась. Только через час принесла мне эту фигурку и буркнула:

“Он злой. Но не всегда”.

Я взяла дракона с полки. Он был кривоватый, с одним рогом длиннее другого и смешным хвостом, похожим на загнутый крючок. Я не знала, имела ли право забирать его. Формально всё в замке принадлежало роду Вейр.

Но эту маленькую уродливую вещицу мне подарил ребёнок.

Я завернула её в шаль.

К закату мои вещи уже были внизу. Бринт прислал двух слуг, но сам не пришёл. Наверное, так было проще: не смотреть на бывшую хозяйку, которую он должен был переселить в старую кухню.

До нижних ворот путь оказался длиннее, чем я помнила. Верхний замок жил своей жизнью: где-то готовили зал для ужина, где-то тащили канделябры, где-то смеялись женщины. Мне казалось, что каждый звук отталкивает меня вниз, к узким лестницам, сырому камню и запаху старого дыма.

Чем ниже мы спускались, тем меньше было полированного серебра и больше настоящей жизни. У прачечной пахло мокрым бельём. У конюшен — сеном и тёплой шерстью. В проходе к нижнему двору мальчишка-слуга грыз яблоко и спрятал его за спину, когда увидел меня, а потом вспомнил, что я теперь не та, перед кем нужно вытягиваться, и растерянно поклонился слишком низко.

Я кивнула ему первой.

Медная Печь стояла у самой внутренней стены нижних ворот. Низкое каменное крыло с просевшей крышей, тёмными окнами и трубой, которую давно никто не чистил. Над дверью висела вывеска — почерневшая, перекошенная, но всё ещё упрямая. На ней можно было разобрать выпуклый круг печного зева и медный ковш, почти стёртый дождями.

Один из слуг поставил мой сундук на землю.

— Ключ, госпожа... Нэяра, — пробормотал он и протянул мне тяжёлый железный ключ.

Второй слуга не удержался и сказал:

— Там холодно. Мы бы растопили, но нам велели только вещи донести.

Я посмотрела на него. Парень был совсем молодой, веснушчатый, с испуганными честными глазами. Он явно ожидал, что я сорвусь на нём за чужой приказ.

— Спасибо, что донесли, — сказала я.

Он замялся, потом быстро добавил:

— У нижней кладовой сухие поленья есть. Если их мыши не доели.

Его товарищ толкнул его локтем, но я вдруг впервые за весь день почти улыбнулась.

— Будем надеяться, мыши оставили мне хоть что-нибудь.

Они ушли быстро, будто боялись, что за сочувствие бывшей жене дракона их поставят чистить ров. Я осталась одна перед дверью Медной Печи, с ключом в руке и сумкой у ног.

Ветер пробежал по двору, шевельнул край моей шали. Из верхнего замка донёсся слабый отголосок музыки. Там начинался ужин Совета. Наверное, подавали пряники.

Я вставила ключ в замок.

Он провернулся не сразу. Пришлось навалиться плечом, и дверь наконец поддалась с таким стоном, будто её разбудили после долгой болезни. В лицо ударил запах пыли, золы, старого дерева и забытого холода. Я подняла руку, нащупала на стене железный крюк для фонаря, но фонаря не было.

Пришлось оставить дверь открытой, чтобы впустить серый вечерний свет.

Медная Печь оказалась больше, чем я думала. Главный зал кухни уходил в глубину, с широким очагом у дальней стены. Над ним висел огромный медный колпак, потемневший почти до чёрного. По стенам тянулись полки, некоторые провисли, некоторые упали. Длинный стол стоял посередине, покрытый таким слоем пыли, что на нём можно было писать пальцем. В углу громоздились котлы, перевёрнутые табуреты, связки пустых корзин и что-то похожее на старую прялку, хотя я не представляла, зачем она могла понадобиться на кухне.

Я прошла внутрь осторожно, слыша, как под подошвами хрустит мелкий мусор.

— Ну здравствуй, милость рода Вейр, — сказала я в пустоту.

Голос прозвучал глухо и сразу исчез под закопчённым потолком.

Мне хотелось сесть на сундук и наконец-то разрыдаться. По-настоящему, некрасиво, так, чтобы опухло лицо и заболела грудь. Хотелось проклясть Каэрдана, Совет, Саверину, этот

замок, эту вывеску, эту пыль и праздничные пряники, из-за которых я теперь, наверное, всю жизнь буду ненавидеть корицу.

Вместо этого я сняла шаль, подвязала волосы и пошла искать дрова.

Потому что плакать в холодной кухне бессмысленно. Сначала нужно развести огонь.

Нижняя кладовая нашлась за кривой дверцей справа от очага. Мыши и правда поработали старательно, но несколько поленьев у стены остались сухими. Там же обнаружилась связка лучин, старый кремёнь и крошечный глиняный горшок с солью, в которую кто-то когда-то воткнул лавровый лист. Я посмотрела на него и вдруг ощутила странную жалость к неизвестной женщине, которая много лет назад закрывала эту кухню и, может быть, думала вернуться завтра.

Не вернулась.

Я вернулась вместо неё.

Огонь занялся не сразу. Печь упрячилась, дымила, выплёвывала серые клубы, заставляя меня кашлять и махать перед лицом передником. Но я была упрямее. Я чистила зев, подкладывала лучины, говорила с огнём почти ласково, как учила мать: не командуй тем, что должно согреть, сначала попроси.

Когда первое пламя наконец лизнуло полено и стало крепнуть, в Медной Печи будто что-то изменилось. Не сильно. Не чудесно. Просто тени отступили от очага, медный колпак поймал слабый отблеск, а холод перестал казаться хозяином.

Я вытерла лоб рукавом и огляделась.

Работы было на неделю, если не на месяц. Промыть полки, выбросить труху, проверить дымоход, найти воду, отмыть стол, пересчитать посуду, попросить у нижнего двора тряпки, раздобыть крупу, масло, лук, муку. Если Совет думал, что старая кухня станет для меня наказанием, он плохо знал женщин, которые выросли не в залах, а у настоящего очага.

Правда, он хорошо знал другое: одиночество ломает не хуже голода.

Когда за окнами окончательно стемнело, я нашла в одном из ящиков шербатую кружку, отмыла её снеговой водой из бочки у входа и напилась. Потом достала из сумки кусок хлеба, оставшийся с утра, и съела его стоя, у печи. Хлеб был сухой, но тепло делало его почти вкусным.

Я думала о Каэрдане.

Не хотела, но думала.

Вспоминала его лицо в большом зале, его короткое “да”, его взгляд на мою руку без обруча. Я пыталась понять, было ли там хоть что-то, кроме облегчения. Стыд? Жалость? Сожаление? Но каждое предположение казалось уступкой, которую я не желала ему делать.

Он сделал выбор.

Совет мог давить. Саверина могла улыбаться. Род мог требовать. Но прошение подал он. В зале он мог сказать хоть одно слово, которое сохранило бы во мне остаток уважения к нашему прошлому.

Он не сказал.

Я подняла левую руку к огню. Светлая полоска на пальце постепенно розовела от тепла. Кожа привыкнет. Я тоже привыкну.

— Больше никогда, — прошептала я.

Огонь тихо щёлкнул в ответ.

Я не знала, что именно обещала себе в тот миг: больше никогда не ждать Каэрдана, не просить защиты, не принимать чужую милость за доброту, не пытаться стать удобной для людей, которые заранее решили, что мне нет места. Наверное, всё сразу.

Где-то в глубине кухни раздался шорох.

Я замерла.

Сначала подумала о мышах. Потом о крысе, достаточно наглой, чтобы проверить новую хозяйку. Взяла кочергу, которая стояла у очага, и медленно повернулась.

Шорох повторился.

Не у стены. Не под полом.

Из кладовой.

Той самой, где я брала дрова.

Я сделала несколько шагов, стараясь не наступать на скрипучие доски. Сердце стучало быстрее, но не от страха перед зверьком. В замке драконов быстро привыкаешь к тому, что худшие опасности редко шуршат. Они обычно сидят за длинными столами и говорят ровным голосом.

Дверца кладовой была приоткрыта.

— Кто там? — спросила я.

Тишина.

Я подняла кочергу чуть выше.

— Выходи. Я не собираюсь гоняться за тобой между мешками, у меня был длинный день.

Снова тишина. А потом — едва слышный вдох.

Детский.

Я опустила кочергу.

— Я тебя слышу, — сказала уже мягче. — Если ты из нижнего двора и прячешься от работы, обещаю, сегодня я никому не скажу. Но если ты замёрз, у печи теплее.

За дверцей что-то шевельнулось. Долго, осторожно, будто тот, кто сидел внутри, решал, можно ли верить женщине, которую утром весь замок признал лишней.

Потом из темноты донёсся тихий голос.

— Ты тоже теперь ненужная?

Глава 2. Медная Печь

— Ты тоже теперь ненужная?

Я не сразу ответила.

Не потому, что не нашлась с ответом. Просто этот детский голос, тонкий, настороженный и слишком взрослый для своих лет, ударил точнее любого решения Совета. В нём не было обычного любопытства, с которым дети спрашивают о чужой беде, пока ещё не понимают, что беда умеет оставаться надолго. Этот голос уже знал, как звучит дверь, за которой тебя не ждут. Как пахнет ужин, на который тебя не позвали. Как холодеет место в большом доме, если взрослые решили, что ты мешаешь им своим существованием.

Я стояла перед приоткрытой кладовой, держа кочергу опущенной вниз, и чувствовала, как от печи к спине тянется первое робкое тепло. В зале Медной Печи было темно, пыльно, пусто, и всё же сейчас мне казалось, что не я нашла здесь кого-то чужого. Скорее, эта старая кухня сама дождалась, когда два выброшенных из замка существа окажутся у одного огня.

— Наверное, да, — сказала я наконец.

За дверцей стало тихо.

Ответ вышел не тем, каким следовало говорить с испуганным ребёнком. Можно было соврать: нет, конечно, что ты, я просто переехала, у меня всё хорошо. Можно было улыбнуться и сделать вид, будто мой день не закончился в старой кухне с чужой милостью на шее. Но я слишком устала лгать даже из вежливости.

— Но знаешь, — добавила я, присев на корточки, чтобы не нависать над темнотой, — ненужных людей часто отправляют туда, где они вдруг становятся очень даже нужными. Просто те, кто отправляет, об этом обычно не догадываются.

В кладовой что-то едва слышно скребнуло по полу. Не коготь и не мышиная лапка. Каблук детского башмачка.

— Это неправда, — сказала девочка.

Я узнала её. Конечно, узнала бы и раньше, если бы не ночь, не усталость и не этот голос, будто сдавленный изнутри.

Лиора Вейр.

Младшая наследница Грозового Клыка. Дочь Каэрдана. Девочка с тонким лицом, большими тёмными глазами и руками, которые она почти всегда прятала в рукавах. В большом замке о ней говорили вполголоса, как говорят о трещине в стене: вроде бы не рухнуло, но лучше не подходить близко.

Я видела Лиору редко. На праздниках, где её усаживали подальше от других детей. В коридорах, где наставницы вели её так, словно держали не ребёнка, а зажжённую свечу на ветру. Однажды — у нижней кухни, когда она стояла возле двери и смотрела на горячие булочки с таким выражением, будто не имела права попросить даже крошку.

Тогда я и заговорила с ней впервые.

— Что именно неправда? — спросила я.

— Что ненужные становятся нужными.

Голос был всё ещё тихим, но упрямство в нём уже прорезалось яснее. Это было не детское капризное “не хочу”. Это было упрямство того, кто слишком часто слышал красивые утешения и перестал им верить.

Я опустила кочергу на пол, подальше от дверцы.

— Возможно, ты права. Я сегодня не лучший знаток правильных ответов.

— Ты плакала?

Вопрос был неожиданный. Я машинально коснулась щеки, хотя прекрасно знала, что слёз не было. Пыль, сажа, усталость — да. Слёз нет. До них я всё ещё не дошла.

— Нет.

— Почему?

Я невольно усмехнулась, но без веселья.

— Некогда было. Сначала меня разводили, потом переселяли, потом печь не хотела разгораться. Видишь, день получился занятой.

Снова тишина.

Потом дверца кладовой приоткрылась шире, и в щели показалось бледное лицо. Лиора сидела на полу между пустым мешком и связкой старых лучин. Волосы у неё выбились из косы, на щеке темнела полоска пыли, а огромное платье, явно слишком нарядное для лазанья по заброшенным кладовым, было измято и испачкано золой у подола. Рукава она натянула почти до кончиков пальцев.

Она смотрела на меня исподлобья.

Не как ребёнок, которого застали за шалостью. Скорее как маленький зверёк, готовый укусь, если протянуть руку слишком быстро.

— Тебя правда развели? — спросила она.

Слово прозвучало неловко, будто она повторяла то, что услышала от взрослых, не до конца понимая форму, но прекрасно понимая смысл.

— Правда.

— И ты теперь не жена отца?

Я выдержала паузу.

Отец.

Каэрдан в её устах вдруг стал не лордом Вейром, не драконом, не человеком, который утром одним словом вычеркнул меня из своей жизни. Просто отцом. Наверное, для детей даже самые сильные мужчины сначала отцы, а потом уже ошибки, страхи и чужие решения.

— Теперь нет, — сказала я.

Лиора кивнула так серьёзно, будто получила подтверждение важного слуха.

— Саверина сказала, что ты сама уйдёшь.

У меня внутри неприятно кольнуло.

— Когда сказала?

— Днём. В зелёной галерее. Она не мне говорила, я просто сидела за шторой. Она сказала госпоже Ильде, что ты слишком тихая, чтобы спорить, и слишком гордая, чтобы просить. Поэтому уйдёшь красиво.

Я медленно вдохнула.

Саверина оказалась наблюдательнее, чем мне хотелось. Почти угадала. Только не знала одного: иногда гордость не уводит за ворота, а заставляет остаться в самом неподходящем месте и вымыть его до блеска, просто чтобы никто не решил, будто ты испугалась грязи.

— А ты почему здесь? — спросила я, отложив её слова в сторону. — За шторой в зелёной галерее обычно теплее, чем в кладовой Медной Печи.

Лиора тут же подобралась.

— Я не пряталась.

— Конечно. Ты проверяла, нет ли здесь мышей.

— Я не боюсь мышей.

— Тогда мыши боятся тебя. Это тоже полезно для новой хозяйки кухни.

Она посмотрела на меня с подозрением, пытаясь понять, смеюсь ли я над ней. Я не смеялась. После сегодняшнего утра у меня не осталось сил на насмешки, особенно над ребёнком, который сидел в пыльной кладовой вместо того, чтобы спать в тёплой комнате.

— Я ушла с ужина, — сказала Лиора после долгой паузы.

— Тебя будут искать.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Я поднялась, но не подошла ближе. Просто присела на край старого ящика, оставляя между нами расстояние. С детьми вроде Лиоры нельзя было обращаться так, как с испуганными птенцами: накрыть ладонью, согреть, прижать. Она бы решила, что её поймали.

— Почему ты так думаешь?

Лиора пожала плечом, и рукав сполз чуть ниже. Я успела заметить тонкие пальцы. На подушечках блеснул слабый золотистый отсвет, будто под кожей тлели крошечные угольки. Девочка сразу спрятала руку обратно.

— Сегодня им не до меня. У отца Совет. У Саверины гости. У Таррена наказание. У наставницы мигрень.

Последнее слово она произнесла с таким презрением, что я почти спросила, откуда восьмилетний ребёнок умеет так смотреть на взрослые отговорки. Но не спросила. В этом замке дети, кажется, выросли не по годам, а по количеству закрытых перед ними дверей.

— Ты ужинала?

Лиора отвела взгляд.

Вот теперь ответ был ясен.

Я поднялась и пошла к очагу.

— Тогда вылезай. У меня есть сухой хлеб, немного соли, два полена, старая печь с характером и, возможно, мышиный запас крупы, если повезёт. Из этого нельзя устроить пир для Совета, но для двух ненужных женщин вполне хватит.

— Я не женщина, — буркнула она из кладовой.

— А я сегодня не госпожа. Значит, у нас обеих вечер перемен.

Несколько мгновений она не двигалась. Потом дверца скрипнула, и Лиора выбралась наружу, стараясь не задеть мешки. Она была маленькая, намного тоньше, чем казалась в парадных платьях, где складки ткани делали её похожей на фарфоровую куклу, которую одели слишком богато и забыли спросить, удобно ли ей дышать. Теперь, в свете печи, я увидела острые локти, поджатые плечи и лицо ребёнка, который очень хотел казаться злым, потому что иначе пришлось бы признаться, что ему страшно.

Она остановилась у стола, не приближаясь к огню.

— Не бойся, — сказала я.

Лиора тут же вздёрнула подбородок.

— Я не боюсь.

— Тогда не бойся не бояться рядом с печью. Она старая, дымная и сегодня уже дважды меня унизила, но кусаться пока не пыталась.

Девочка не улыбнулась, но в её глазах мелькнуло что-то живое. Почти интерес.

Я начала разбирать то, что нашла в кладовой. Мешок оказался не пустым: на самом дне сохранилась горсть ячневой крупы, сухой, но чистой. В другом ящике обнаружили три луковичицы, две из них мягкие, зато третья вполне годилась. Ещё нашлась глиняная банка с горохом, деревянная миска с засохшими яблоками и маленький свёрток муки, завязанный так крепко, словно прежняя хозяйка этой кухни не хотела отдавать его даже времени.

— Можно сделать кашу, — сказала я, больше себе, чем Лиоре. — Не праздничную, но горячую. Если добавим лук и яблоки, получится почти прилично. А из муки попробуем лепёшки. Масла нет, но печь горячая, она поможет.

Лиора стояла сбоку и наблюдала так внимательно, будто я собиралась не готовить, а открывать тайную дверь в стене.

— В верхней кухне сегодня гусь, — сказала она.

— Значит, у гуся плохая судьба.

— И сладкие пряники.

Я поморщилась раньше, чем успела удержаться.

Лиора заметила.

— Ты их не любишь?

— Сегодня разлюбила.

Она опустила взгляд на стол.

— Я тоже.

Я не стала спрашивать почему. Вместо этого нашла старый нож, отмыла его снеговой водой и принялась чистить луковицу. Лиора подошла чуть ближе, всё ещё держа руки в рукавах.

— Ты умеешь готовить лучше верхнего повара?

Вопрос прозвучал вызывающе, но в нём был настоящий интерес.

— Смотря что. Он умеет красиво укладывать жареных птиц на серебряные блюда и делать соусы, над которыми вздыхают советники. А я умею накормить людей так, чтобы они перестали злиться на холод, усталость и друг друга.

— Разве еда так может?

— Иногда. Не всегда. Если человек решил быть камнем, его и пирогом не размягчишь. Но голодный человек чаще злится быстрее, чем сытый. Замёрзший хуже слушает. Одинокий давится даже лучшим ужином. Поэтому сначала тепло, потом еда, потом разговор. Или молчание, если разговор пока не нужен.

Лиора долго смотрела на меня.

— Ты странная.

— Сегодня мне уже говорили, что я бесполезная. Странная звучит лучше.

Я поставила котелок на крюк над огнём, налила воды из принесённого ведра и всыпала крупу. Печь опять задымила, но уже не так злобно. Скорее ворчливо, как старая женщина, которую подняли среди ночи и заставили работать.

В кухне постепенно становилось теплее. Не уютно — до уюта было далеко. Пыль всё ещё лежала на полках, в углах темнела паутина, сквозь щели в двери тянуло холодом, а длинный стол выглядел так, будто мог рассыпаться от обиды. Но огонь менял всё. Он не убирал бедность и запустение, зато показывал, что с ними можно спорить.

Лиора вдруг подняла голову.

— Сюда идёт Таррен.

Я прислушалась.

Сначала ничего не услышала, кроме потрескивания дров и слабого бульканья воды в котелке. Потом снаружи действительно раздались шаги. Быстрые, резкие, тяжёлые для ребёнка. Тот, кто шёл к Медной Печи, не пытался скрываться. Наоборот — он хотел, чтобы его услышали.

Дверь распахнулась так резко, что ударилась о стену.

На пороге стоял мальчик лет одиннадцати или двенадцати. Высокий для своего возраста, худой, с тёмными волосами, такими же, как у Каэрдана, и глазами, в которых золото драконьей крови проступало ярче, чем должно было у ребёнка. Парадный камзол был расстёгнут, ворот перекошен, на щеке виднелась свежая царапина, а в правой руке он сжимал перчатки так, будто хотел их разорвать.

Таррен Вейр.

Старший наследник Грозового Клыка.

Я видела его в залах, но издалека. Он всегда держался прямо, слишком прямо, как мальчик, которому с младенчества объяснили, что позвоночник у наследника обязан быть крепче, чем у обычных людей. При этом возле него постоянно находился кто-то из взрослых: наставник, страж, распорядитель, слуга. Не для заботы. Для контроля.

Сейчас рядом с ним никого не было, и от этого он выглядел не свободным, а загнанным.

— Лиора, — сказал он.

Девочка мгновенно шагнула назад, но не к нему, а ближе к столу. Ко мне она тоже не прижалась. Просто выбрала место между нами, как будто ещё не решила, кто из взрослых опаснее.

Таррен перевёл взгляд на меня, и его лицо стало жёстким.

— Ты что здесь делаешь?

После Совета, развода и старой печи вопрос показался почти забавным.

— Кажется, живу.

— Это место закрыто.

— Уже нет. Мне дали ключ.

— Кто?

— Совет. Твой отец. Весь большой зал, если считать свидетелей.

Он вздрогнул, когда я сказала “твой отец”, но сразу спрятал это за злостью.

— Тогда верни ключ и уходи.

Лиора тихо сказала:

— Таррен...

— Молчи.

Она замкнулась мгновенно. Не заплакала, не обиделась вслух, просто стала меньше, будто её можно было сложить внутрь платья и убрать с глаз. Я посмотрела на мальчика внимательнее. Он был зол не только на меня. Злость в нём стояла выше краёв, и любая неосторожная фраза могла стать щелью, через которую она хлынет наружу.

Я сняла котелок с крюка, потому что вода уже закипала слишком бурно, и поставила его на каменную плиту сбоку.

— Голодный? — спросила я.

Таррен моргнул.

Вопрос явно был не из тех, к которым он готовился.

— Что?

— Ты ворвался в мою кухню, хлопнул дверью, приказал мне уйти и велел сестре молчать. Обычно так ведут себя либо очень важные люди, либо очень голодные. С важными людьми у меня сегодня уже был перебор, поэтому я надеюсь на второе.

Лиора опустила голову, но я заметила, как уголок её губ дрогнул.

Таррен покраснел. Вокруг его пальцев, сжимавших перчатки, на миг вспыхнули тонкие золотые искры. Не пламя, нет. Скорее свет, резкий и злой, как блеск ножа.

— Я не собираюсь есть то, что приготовила ты.

— Тогда не ешь. Каша не обидится. Ей после сегодняшней кладовой вообще трудно испортить настроение.

— Ты должна уйти, — повторил он, но уже не так уверенно. — Все взрослые уходят. Или остаются и делают вид.

— Делают вид чего?

Он посмотрел на Лиору, потом снова на меня.

— Что не бояться. Что им не противно. Что они заботятся, потому что так велел отец или Совет. А потом отворачиваются, когда думают, что мы не видим.

В комнате стало тише. Даже печь, казалось, перестала ворчать.

Я не стала говорить “это не так”. Не стала уверять, что он ошибается, что взрослые хорошие, просто занятые, усталые или скованные правилами. Возможно, кто-то другой сказал бы именно это, потому что детям положено предлагать надежду, даже если она сшита наспех. Но Таррен был не маленьким мальчиком, которому можно дать сладость и отвлечь от обиды. Он слишком хорошо смотрел в лицо чужому страху.

— Наверное, многие действительно делают вид, — сказала я.

Лиора подняла на меня глаза. Таррен нахмурился сильнее, потому что ждал спора, а получил согласие.

— Тогда зачем ты здесь?

— Потому что меня сюда отправили.

— Чтобы следить за нами?

Я удивилась, но не показала сразу. Вот почему он примчался. Не из-за самой кухни. Из-за Лиоры. Из-за того, что она сидела здесь, а ему, возможно, сказали или он сам решил: новая лишняя взрослая стала новой ловушкой.

— Нет.

— Врёшь.

— Иногда. Но сейчас нет.

Он сделал шаг вперёд.

— Ты была женой отца. Ты жила наверху. Ты ела с ними за одним столом.

Я вспомнила длинные ужины, где моё место было достаточно близко к Каэрдану, чтобы считаться честью, и достаточно далеко от его внимания, чтобы не обманываться. Вспомнила, как Совет обсуждал дела рода поверх моей головы, а Саверина в последние недели всё чаще появлялась в разговорах, будто её имя само просачивалось сквозь стены.

— За столом можно сидеть и всё равно быть не с ними, — сказала я.

Таррен хотел ответить, но Лиора вдруг тихо произнесла:

— Она тоже теперь ненужная.

Мальчик резко повернулся к ней.

— Не говори так.

— Почему? Это правда.

— Потому что это наше слово.

Я не ожидала, что простая фраза может так больно лечь между нами. Наше слово. Не оскорбление, не жалоба, а почти знак принадлежности. Будто в этом огромном замке у детей Каэрдана было своё тайное родство — с теми, кого не ставили за главный стол, не звали в общие игры, не слушали до конца.

Я медленно взяла луковицу и продолжила резать. Не потому, что разговор стал менее важным. Наоборот. Иногда, чтобы человек не убежал от собственных слов, нужно дать ему возможность смотреть не в глаза, а на нож, доску, огонь, кипящую кашу. Кухня тем и хороша: в ней можно говорить о самом тяжёлом, притворяясь, что занят ужином.

— Тогда не отдавайте мне это слово, — сказала я. — Я могу побыть рядом без него.

Таррен молчал.

Я высыпала лук в маленькую сковороду, которую отыскала на нижней полке и кое-как отчистила от старой пыли. Масла не было, но в банке с горохом на дне нашлось немного густого орехового жира, видимо, оставленного для выпечки. Я растопила его, и по кухне пошёл первый настоящий запах еды — не пыли, не золы, не старого дерева, а чего-то живого, тёплого, обещающего пусть не счастье, но хотя бы ужин.

Лиора шумно сглотнула и тут же отвернулась.

Таррен заметил. Его злость дрогнула, но не исчезла.

— Мы уйдём, — сказал он.

— Лиора может уйти, если хочет. Ты тоже. Дверь, как ты недавно показал, открывается отлично.

— Ты не имеешь права её удерживать.

— Я и не удерживаю.

— И кормить не имеешь права.

Вот тут я всё же посмотрела на него.

— Это уже интереснее. В Грозном Клыке есть закон, запрещающий кормить детей?

Он сжал челюсти. По пальцам снова пробежал золотой отсвет, сильнее прежнего. Лиора заметила и вдруг испугалась по-настоящему.

— Таррен, не надо.

— Молчи, я сказал!

Свет сорвался с его руки маленькой вспышкой и ударил в край стола. Дерево задымилось тонкой тёмной ниткой.

Лиора отступила к стене, втянув голову в плечи. Я резко поставила сковороду на плиту и схватила мокрую тряпку, которой только что протирала котелок. Накрыла дымящееся место и прижала ладонью.

— Стол старый, — сказала я, стараясь говорить ровно. — Если ты собираешься его поджигать, предупреждай заранее. Мне ещё на нём лепёшки раскатывать.

Таррен застыл.

Кажется, он ожидал крика. Может быть, наказания. Может быть, привычного взрослого ужаса, который появляется на лицах раньше слов. Я боялась, не стану притворяться. Драконья искра в детских руках была не игрушкой, и я слишком мало понимала в том, что творилось с наследниками Каэрдана. Но страх не обязан руководить голосом. Мать учила меня этому давно, когда я впервые обожглась у печи и хотела бросить готовку навсегда.

“Огонь уважает осторожных, Нэя. Но если начнёшь перед ним суетиться, он почувствует себя главным”.

Таррен сейчас был таким огнём. Горячим, неровным, испуганным собственной силой.

— Ты не закричала, — сказал он хрипло.

— Я подумала.

— О чём?

— Что если этот стол развалится, ужинать придётся на сундуке. А сундук у меня с вещами, и я не хочу вытаскивать всё обратно.

Лиора неожиданно фыркнула. Очень тихо, почти неслышно, но в этой пыльной кухне звук прозвучал как первая монетка, упавшая в пустую чашу.

Таррен посмотрел на неё, потом на меня. В его взгляде было смятение, злость и что-то ещё, от чего он стал младше сразу на несколько лет. Не наследник. Не будущий дракон. Просто мальчик, который привык, что после вспышки все начинают либо ругаться, либо пятиться назад.

— Я не хотел, — сказал он.

Слова вышли почти беззвучными.

Я убрала тряпку. На столе осталось тёмное пятно, но дерево не прогорело.

— Верю.

Он вскинул голову.

— Не надо.

— Что?

— Делать вид.

Я вздохнула.

— Таррен, я сегодня развелась с твоим отцом, переехала в заброшенную кухню, отмыла кружку снеговой водой и разговаривала с печью, потому что людей рядом не было. У меня нет сил делать вид. Если говорю, что верю, значит, верю. Если испугаюсь, тоже, скорее всего, скажу не очень красиво.

Он смотрел на меня долго, словно проверял каждое слово на скрытый крючок.

Потом Лиора тихо спросила:

— А лепёшки будут?

Я чуть не рассмеялась. Не весело, нет, но с таким облегчением, будто после долгой грозы где-то за стеной вдруг мяукнула кошка.

— Будут, если кто-нибудь поможет мне найти чистую миску.

Лиора тут же шагнула к полкам, но Таррен перехватил её за рукав.

— Не трогай.

— Я могу.

— Ты знаешь, что будет.

Лиора вспыхнула. На этот раз не магией, а обидой.

— Не знаю! Не всегда!

Она резко выдернула руку. Рукав задрался, и я увидела её ладонь. Тонкую, детскую, с золотистыми прожилками света под кожей. Девочка схватила ближайшую деревянную миску, и по краю тут же пробежала чёрная полоска. Не огонь, не пламя — просто дерево потемнело и треснуло, будто его слишком долго держали над жаром.

Лиора уронила миску.

Та глухо стукнулась о пол и раскололась надвое.

Девочка застыла. Лицо у неё стало белым, губы сжались, глаза сухие, огромные. Она не плакала. Кажется, в её возрасте она уже понимала, что слёзы только заставляют взрослых суесть и прятать испуг под ласковыми словами.

— Видишь? — сказал Таррен, но в его голосе не было торжества. Только боль. — Я же говорил.

Лиора медленно опустила рукава, закрывая руки.

Я посмотрела на расколотую миску, потом на полки. Таких мисок там было ещё четыре, если не считать одной совсем кривой.

— Значит, эта была непрочная, — сказала я.

Лиора моргнула.

— Я её сломала.

— Да. А до этого её лет десять грызла сырость, точили мыши и никто не смазывал дерево. У тебя, конечно, талант, но не стоит присваивать себе всю работу времени.

Таррен нахмурился, но промолчал.

Я подняла половинки миски и проверила трещину. Миска и правда была плохая, пересохшая, почти трухлявая у края. Я положила её на стол.

— Из этого можно сделать растопку. Не сейчас, позже. Лиора, если хочешь помочь, бери вот эту тряпку за сухой край и протри полку. Не миски. Полку. Камень ты не сломашь, а если сломашь, я первая попрошу тебя показать, как.

Она смотрела на меня так, будто я предложила ей не тряпку, а ключ от башни.

— Я могу?

— Я же прошу.

— А если...

— Если что-то пойдёт не так, мы будем думать потом. На кухне почти всё можно исправить, кроме совсем уж сгоревшего ужина. И даже его иногда можно назвать копчёным.

Лиора осторожно взяла тряпку двумя пальцами. Таррен напрягся, но не остановил. Девочка подошла к полке и начала протирать камень. Медленно, сосредоточенно, так, словно от каждого движения зависела её жизнь. Под тряпкой оставались тёмные разводы, но полка не трескалась, не дымилась и не рушилась.

Через несколько мгновений Лиора выдохнула.

Я сделала вид, что не заметила, как сильно этот выдох был похож на первую маленькую победу.

— Таррен, — сказала я, — если ты всё ещё собираешься выгонять меня, можешь делать это с пользой. Проверь, есть ли в сундуке у двери что-нибудь похожее на скалку.

— Я тебе не слуга.

— Согласна. Слуги обычно спорят меньше.

Он поджал губы, но к сундуку всё же подошёл. Открыл крышку слишком резко, подняв облако пыли, закашлялся и зло посмотрел на меня, будто это я спрятала там десять лет запустения.

— Там какие-то железки.

— Железки бывают полезнее титулов. Доставай.

Так начался наш первый ужин в Медной Печи.

Не красиво. Не чинно. Не похоже на семейную сцену из хороших песен и праздничных картинок. Лиора протирала одну и ту же полку с таким усердием, что едва не стёрла с неё верхний слой камня. Таррен нашёл не скалку, а гладкую деревянную ручку от старого ухвата и заявил, что пользоваться этим для теста глупо. Через несколько минут он сам раскатывал лепёшки, слишком сильно надавливая на тесто, и злился, когда края рвались.

Я варила кашу, мешала лук с яблоками, добавляла соль по крупинке и следила, чтобы дети не столкнулись локтями. В этом было что-то странно привычное, хотя ничего подобного со мной раньше не случилось. Я не была их матерью. Не была теперь даже женой их отца. По законам замка я стала женщиной, которой из милости отдали старую кухню.

Но кухня, в отличие от зала Совета, не спрашивала, какое у тебя право стоять у огня.

Она спрашивала другое: умеешь ли ты не дать каше пригореть, пока вокруг рушится твоя прежняя жизнь.

Когда первая лепёшка легла на горячий камень у печи, по Медной Печи поплыл запах хлеба. Простой, грубоватый, без масла и сладостей. Но он был таким настоящим, что Лиора замерла с тряпкой в руках, а Таррен перестал делать вид, будто его здесь удерживают силой.

— Пахнет, — сказала Лиора.

— Это обычно случается с хлебом, если его не забыть в печи.

— Нет, — она покачала головой. — По-другому.

Я хотела спросить как, но в этот момент из-за очага раздался протяжный скрип.

Таррен мгновенно отступил и заслонил Лиору собой. Я схватила ухват, потому что кочерга осталась у кладовой. Скрип повторился, затем под медным колпаком что-то зашуршало, чихнуло и возмущённо пробормотало:

— Да чтоб вас всех пересолило через левое ухо... Кто это тут хлебом дразнится и дымом не чистит?

Лиора пискнула.

Таррен выругался так тихо, что я решила сделать вид, будто не расслышала.

А из щели между очагом и стеной вылезло существо размером с крупного кота, только на кота совершенно не похожее. Оно было круглое, лохматое, цвета ржаной корки, с носом-пуговкой, маленькими рожками из засохшего теста и глазами, сияющими тёплым янтарём. На голове у него сидел перекошенный колпачок, похожий на свёрнутый блин, а вокруг пояса была повязана нитка с крошечными медными ложками.

Существо выбралось наружу, отряхнулось, подняло облачко пыли и уставилось на меня.

— А ты кто такая будешь?

Я оглянулась, но за моей спиной никого, кроме детей, не было.

— Нэяра.

— Полностью, женщина у огня. И не мнись, я после долгого сна плохо понимаю недосказанное.

— Нэяра Сольм.

Существо прищурилось.

— Сольм, значит. Не Вейр?

— Уже нет.

— Ха! — Оно хлопнуло себя по круглому боку. — То-то я чувю, воздух в доме посвежел. А то последние Вейры всё рычали, требовали, грозились, а хлеб нормальный испечь некому. Где хозяйка?

Я медленно поставила ухват на пол.

— Какая хозяйка?

— Медной Печи, медный тебе ковш в колени! Не той блестящей столовой наверху, где птиц укладывают так, будто они умерли от тщеславия. А этой. Настоящей.

Таррен тихо сказал:

— Это домовый дух.

— Сам ты домовый, наследничек с искрами в рукаве, — обиделось существо. — Я кухонный хранитель. Шуш Ржаной, старший по очагу, младший по терпению и единственный, кто ещё помнит, как здесь должны пахнуть вечера.

Лиора выглянула из-за брата.

— Ты настоящий?

— Нет, я сон голодной девочки, которая опять сбежала с верхнего ужина, потому что там все жуют важность вместо еды.

Лиора открыла рот, закрыла, потом вдруг сказала:

— Я не сбежала. Я ушла.

— О, прошу прощения, госпожа ушла с достоинством и спряталась в кладовой с поленьями. Разница огромная, я сейчас даже поклонюсь, как только найду свои колени.

Таррен неожиданно кашлянул. Я не сразу поняла, что он прячет смех.

Шуш Ржаной тем временем подошёл к лепёшке, понюхал её, ткнул пальцем в край и одобрительно хмыкнул.

— Мука старая, соль грустная, печь нечищенная, руки у женщины усталые, зато огонь попросили правильно. Кто учил?

— Мать.

— Умная была женщина.

Я замерла на мгновение.

Было странно слышать о матери от существа, которое только что вылезло из щели у очага и ругалось на дымоход. Но в этих словах не было пустой ласки. Они легли просто и точно, как тёплая ладонь на плечо.

— Была, — сказала я.

Шуш посмотрел на меня внимательнее, но ничего не спросил. За это я почти сразу стала уважать его больше, чем половину Совета.

— Значит так, — объявил он, забравшись на край стола. — Если уж меня разбудили, будем наводить порядок. Девочка с рукавами, не смотри на руки так, будто они тебе чужие. Мальчик с грозой в глазах, не прожигай взглядом тесто, оно не виновато в твоих взрослых. Женщина Сольм...

— Нэяра, — поправила я.

— Женщина Нэяра, — важно согласился Шуш. — Ты теперь здесь главная?

Я хотела ответить, что главных в моей жизни на сегодня было слишком много, и почти все говорили с возвышения. Но вместо этого посмотрела на печь, на стол с тёмным пятном от Тарреновой искры, на Лиору у полки, на голодные глаза детей и на хлеб, который начинал поджариваться у огня.

— Похоже на то.

Шуш вдруг выпрямился. Его смешной колпачок съехал набок, но сам он стал удивительно серьёзным.

— Тогда наконец-то хозяйка вернулась.

От этих слов по кухне прошёл едва заметный звук. Не скрип. Не шорох. Скорее глубокий каменный вздох, будто стены услышали то, чего ждали слишком долго. Пламя в очаге поднялось выше, медный колпак на миг блеснул чистым тёплым светом, хотя копоть с него никуда не делась.

Таррен побледнел.

— Что ты сказал?

Шуш посмотрел на него без обычной насмешки.

— То, что сказал. Уши у тебя драконьи, сам справишься.

— Здесь не было хозяйки сто лет.

— Вот именно. Потому я и спал плохо, сердито и с пауками под боком. Никакого уважения к старшим очагам.

Я перевела взгляд с духа на Таррена.

— Почему ты сказал “сто лет”?

Он тут же замкнулся. Плечи поднялись, подбородок стал упрямым.

— Неважно.

Лиора тихо произнесла:

— Так говорил старый наставник. Что Медную Печь закрыли после последней настоящей хозяйки. Что потом здесь нельзя было держать огонь дольше одной ночи.

— Почему? — спросила я.

Она посмотрела на брата.

Таррен молчал.

Шуш Ржаной уселся на столе и принялся болтать ногами.

— Потому что умные взрослые решили, будто если закрыть сердце дома на ключ, оно перестанет стучать. Очень по-взрослому. Очень глупо.

Я хотела задать ещё один вопрос, но каша громко забулькала, напоминая, что тайны тайнами, а ужин сам себя не доведёт. Я вернулась к очагу, помешала крупу, добавила лук с яблоками и сняла первую лепёшку. Она вышла неровной, с подпалённым краем, но пахла так хорошо, что Шуш театрально приложил лапу к груди.

— Жить можно. Даже хочется.

Я разломилась лепёшку на части. Одну положила Лиоре, вторую Таррену, третью оставила себе. Шушу дала маленький кусочек, но он возмутился, потребовал “долю хранителя” и получил ещё.

Дети не сели сразу.

— Здесь грязно, — сказал Таррен, словно искал последний повод не поддаться.

— Очень, — согласилась я. — Поэтому едим на чистой стороне стола. Вот этой, которую Лиора чуть не протёрла до подземелья.

Лиора посмотрела на полку, потом на стол, потом осторожно села на край скамьи. Таррен остался стоять.

— Если нас найдут...

— Скажешь, что проверял, не отравила ли бывшая жена твоего отца старую кухню кашей.

Он прищурился.

— Не смешно.

— Немного смешно.

— Ты всё время так разговариваешь?

— Нет. Иногда я молчу и режу лук. Сегодня тебе достался разговорный вечер.

Лиора взяла кусочек лепёшки двумя руками, через рукава, и поднесла ко рту. Сначала откусила совсем чуть-чуть, готовая в любой момент отказаться. Потом замерла. Прожевала. Глаза у неё стали ещё больше.

— Горячая, — прошептала она.

— Предупреждала же, у печи теплее.

Она откусила ещё.

Таррен смотрел на сестру так, будто простой кусок лепёшки был испытанием, которое она проходила у него на глазах. Потом сел напротив, резким движением взял свою долю и сказал:

— Я ем только потому, что Лиора ест.

— Конечно, — ответила я. — Каша тоже это понимает и гордится своей важной ролью.

Шуш хрюкнул от удовольствия.

Мы ели почти молча. Я разложила кашу по трём разным мискам, выбрав самые крепкие, а Шуш получил блюдце, которое сам откопал в ящике и объявил “личной собственностью очага”. Каша была простая, чуть дымная, с мягкими кусочками яблок и лука. В верхнем зале за это блюдо меня, вероятно, выгнали бы из кухни ещё до подачи. Но здесь, в Медной Печи, дети ели так, будто им давно не давали ничего, приготовленного не для порядка, а для них.

Лиора постепенно перестала прятать лицо. Она всё ещё держала рукава натянутыми, но плечи опустились. Таррен ел быстро, слишком быстро, и я молча подвинула к нему кружку с водой. Он заметил, нахмурился, но выпил.

— У тебя царапина, — сказала я, когда он поставил кружку.

Он тут же отвернулся.

— Ерунда.

— С кем подрался?

— Ни с кем.

Лиора тихо сказала:

— С наставником.

— Лиора!

— Он первый схватил тебя за плечо.

— Я сказал, молчи!

Искра снова мелькнула у его пальцев, но слабее. Таррен сам заметил её, сжал руку в кулак и спрятал под стол. Я видела, как он борется с собой, и не стала вмешиваться сразу.

— Наставник схватил тебя за плечо? — спросила я спокойно.

— Он имел право, — отрезал Таррен. — Я не удержал форму на занятии.

— Какую форму?

Он посмотрел на меня с раздражением.

— Драконью. Какую ещё?

Я чуть не сказала, что у меня за всю жизнь не было ни одной драконьей формы и мне трудно угадать, сколько их бывает. Но удержалась. Таррен не шутил. Для него это было не обучение, а постоянное доказательство, что он имеет право называться наследником.

— И за это тебя наказали?

— Меня не наказывают, — сказал он слишком быстро.

Лиора опустила ложку.

— Его закрывают в малой башне, пока он не остынет.

Слово “остынет” мне не понравилось. В нём было слишком мало детства и слишком много замкового удобства: горячее — убрать, шумное — закрыть, неудобное — спрятать до тех пор, пока снова не станет приличным.

— Сегодня тоже закрыли? — спросила я.

Таррен молчал.

— Он выбрался через окно, — сказала Лиора уже совсем тихо.

— Оно было не высоко, — буркнул он.

— Второй этаж.

— Для дракона это не высота.

— Ты не был драконом. Ты был в сапогах и очень злой.

Я посмотрела на царапину на его щеке. Теперь стало понятно: не драка. Камень, рама, возможно, ветка плюща у стены. Одиннадцатилетний мальчик вылез из окна, чтобы найти сестру, потому что взрослым было не до неё.

Каэрдан, подумала я с такой внезапной злостью, что даже каша во рту стала горькой. Где же ты был, когда твои дети разбредались по замку, как потерянные тени? В большом зале? Рядом с Савериной? Подписывал моё изгнание и не заметил, что твой сын сбегает из башни, а дочь прячется в старой кладовой?

Но я не имела права обрушивать эту злость на детей.

— После ужина я проведу вас наверх, — сказала я. — Или позову кого-нибудь из нижнего двора, если вы не хотите идти со мной.

Таррен отодвинул миску.

— Нет.

— Таррен...

— Нет. Если нас увидят с тобой, Саверина скажет, что ты нарочно нас прячешь. Совет скажет, что ты вмешиваешься. Отец...

Он не договорил.

— Что отец?

Мальчик посмотрел на огонь.

— Отец поверит Совету.

Лиора устала в свою миску.

Я хотела возразить. Наверное, должна была хотя бы ради справедливости сказать, что Каэрдан не всегда был таким, что он суров, занят, связан долгом, что отцы-драконы иначе показывают заботу. Но ни один из этих ответов не был моим. Я не знала, каким отцом был Каэрдан, когда его никто не видел. Я знала только, каким мужем он был для меня сегодня.

И ещё я знала, как легко в этом замке превращали правду в обвинение.

Если кто-то найдёт Таррена и Лиору ночью в Медной Печи, виноватой сделают меня. Не потому, что это логично, а потому, что я теперь удобная. Без титула, без защиты, без места в верхнем зале. Бывшая жена, которой можно приписать и хитрость, и отчаяние.

— Тогда решим иначе, — сказала я. — Сейчас вы доедаете. Потом Таррен идёт первым и возвращается тем же путём, каким пришёл, если это безопасно. Лиора подождёт немного и выйдет через боковую дверь. Я никого не прятала, никого не звала, никого не удерживала. Вы сами пришли и сами ушли.

— А если я не хочу уходить? — спросила Лиора.

Таррен резко повернулся к ней.

— Ты пойдёшь.

— Не хочу.

— Лиора.

— Там холодно.

— Здесь тоже.

— Здесь по-другому.

Она сказала это почти шёпотом, но я услышала. Таррен тоже. Шуш Ржаной перестал облизывать ложку и притих.

Я посмотрела вокруг. На закопчённые стены, старые полки, грубый стол, миски с кашей и детей Каэрдаана, которые нашли в этой разваленной кухне то, чего им не хватало в родовом замке.

Не роскошь. Не уважение Совета. Даже не безопасность.

Обычный огонь, у которого их не отодвигали подальше.

— Лиора, — сказала я мягко, — если ты останешься здесь на ночь, утром будет буря. Не драконья. Хуже. Взрослая. С вопросами, обвинениями и людьми, которые говорят не о том,

что случилось, а о том, кому выгодно поверить. Я только получила эту кухню. У меня нет пока ни замка за спиной, ни права спорить с Советом. Если они решат, что я украла наследницу, меня выгонят за ворота до завтрака.

Девочка побледнела.

— Я не скажу, что ты украла.

— Верю. Но взрослые не всегда спрашивают детей, прежде чем решить, что произошло.

Таррен опустил глаза. Он знал это слишком хорошо.

Лиора медленно кивнула, но в этом кивке было столько обиды, что я почувствовала себя предательницей.

Я не могла оставить её. И не могла удержать.

Так выглядела взрослая беспомощность, о которой детям лучше бы не знать.

— Зато, — сказала я, — завтра утром я буду разбирать кухню. Мне понадобятся люди, которые умеют отличать целые миски от тех, что давно мечтают стать растопкой. Если кто-то случайно окажется у нижних ворот после завтрака, я, возможно, не стану громко удивляться.

Лиора подняла глаза.

— Правда?

— Я не обещаю сладких пряников. Но обещаю работу, грязные руки и, если повезёт, горячие лепёшки.

— Я умею работать, — сказала она быстро.

Таррен хотел возразить, но осёкся. Наверное, увидел её лицо.

— Мы не должны приходить, — сказал он уже тише.

— Я не зову. Я говорю, что буду здесь.

Это была тонкая разница. Возможно, слишком тонкая для Совета, но достаточно понятная для нас троих.

Шуш Ржаной вдруг спрыгнул со стола.

— Слишком много разговоров, мало уважения к очагу. Доедайте, а то каша обидится и в следующий раз притворится комом.

Лиора послушно взялась за ложку. Таррен тоже доел, хотя делал вид, что это не уступка, а стратегическое решение. Я убрала миски, налила в котелок воды, чтобы остатки не присохли намертво, и поймала себя на том, что впервые за весь день не думаю о светлой полоске на пальце.

Потом Лиора поднялась из-за стола, сделала шаг к двери и вдруг остановилась.

— Нэяра.

Я обернулась.

Девочка полезла в карман платья и достала что-то маленькое, завернутое в салфетку. Подошла ко мне и протянула свёрток, не глядя в лицо.

— Это из верхнего зала. Я взяла до ужина. Не для себя. Просто... взяла.

В салфетке лежал пряник. Тот самый праздничный, фигурный, с серебряной глазурью по краю. Дракон, обвинивший башню.

Я не знала, смеяться мне или сжать его в кулаке до крошек.

— Спасибо, — сказала я.

Лиора нахмурилась.

— Ты же их теперь не любишь.

— Сегодня не люблю. Но это первый подарок, который мне принесли в Медную Печь. Придётся уважать.

Она кивнула, будто такой ответ её устроил.

Таррен уже стоял у двери, прислушиваясь к двору. Ветер усилился, где-то наверху хлопнула ставня. Из замка донеслись далёкие голоса, но к нижним воротам никто не приближался.

— Пора, — сказал он.

Лиора шагнула к нему, потом вдруг повернулась к Шушу.

— Ты завтра будешь?

Кухонный хранитель фыркнул.

— Разбудили — терпите. Я теперь сам хочу посмотреть, как женщина Сольм будет спорить с пылью, Советом и упрямыми драконятами.

— Я не драконёнок, — одновременно сказали Таррен и Лиора.

Шуш просиял.

— Вот как хорошо. Уже первый общий хор.

Таррен закатил глаза, но на этот раз почти без злости.

Они ушли не вместе. Сначала Таррен, проверив двор и велев Лиоре считать до пятидесяти. Потом Лиора, задержавшись на пороге ровно настолько, чтобы ещё раз посмотреть на печь, на стол и на меня. Я стояла у очага и не махала ей рукой, потому что чувствовала: если сделаю слишком тёплый жест, она может не уйти.

— Завтра я случайно пройду мимо, — сказала она.

— Случайности у нижних ворот случаются часто, — ответила я.

Она исчезла в темноте.

Дверь закрылась.

Медная Печь опустела, но уже не была прежней. На столе остались крошки, на полу — следы детских башмаков, на полке — светлая полоса, которую оттерла Лиора. Возле очага Шуш Ржаной деловито проверял трещины в камне и бормотал себе под нос такие слова, которые приличной кухне лучше было не запоминать.

Я подошла к столу, взяла пряник и положила его на чистую тряпку. Дракон на нём был красивый, гордый, серебряный. Совсем не похожий на кривую глиняную фигурку Лиоры, спрятанную в моей шали. И почему-то тот, кривой, казался мне гораздо честнее.

— Не ешь это, — вдруг сказал Шуш.

Я подняла голову.

— Почему?

Он замер у стены, возле очага, и его янтарные глаза стали серьёзными.

— Потому что это не для голода. Это для знака.

— Какого знака?

Шуш не ответил сразу. Он подошёл к закопчённой стене за печью, туда, где я раньше видела только слои копоти. Положил маленькую ладонь на камень, прислушался и тихо постукивал костяшками пальцев.

— Дети ели за одним столом, — пробормотал он. — Огонь признал голос. Хлеб поднялся, хоть мука старая. Хозяйка названа. Да, старая упрямая медь, похоже, ты всё-таки дождалась.

— Шуш, — сказала я, чувствуя, как по коже медленно ползёт холод, уже не от ветра. — Объясни нормально.

Он посмотрел на меня через плечо.

— Нормально в этом доме давно никто ничего не объяснял. Потому и развалилось.

Стена за его спиной вдруг тихо щёлкнула.

Я шагнула ближе.

Копоть начала светлеть. Не осыпаться, не гореть, а именно отступать, словно кто-то невидимый проводил по камню влажной ладонью изнутри. Сначала появилась тонкая линия. Потом вторая. Они сходились, расходились, изгибались, образуя знакомый контур — дракон, обвивший башню. Знак рода Вейр.

Только этот дракон был не таким, как на щитах в верхней галерее.

Он не сжимал башню кольцом.

Он закрывал её крылом.

Я стояла перед стеной, не в силах отвести взгляд. Линии мерцали мягким медным светом, живым, тёплым, будто очаг сам выжег их из памяти камня. Под знаком проступили слова на старом наречии, которое я знала плохо, но достаточно, чтобы разобрать несколько знакомых корней.

Дом.

Огонь.

Дети.

Клятва.

Шуш Ржаной снял свой смешной колпачок и прижал его к груди.

— Сто лет молчала, — сказал он уже без насмешки. — Сто лет ни один Вейр не мог разбудить этот знак.

Я медленно обернулась к нему.

— А почему его разбудила я?

За дверью, в темноте нижнего двора, вдруг раздались быстрые шаги.

Не детские.

Тяжёлые. Властные. Слишком знакомые даже после одного дня, в котором я пообещала себе больше никогда их не ждать.

Шуш резко натянул колпачок обратно и юркнул ближе к очагу.

— Потому, хозяйка Медной Печи, что теперь это очень плохой вопрос для того, кто стоит у твоего порога.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял Каэрдан Вейр.

Его взгляд сначала нашёл меня, потом пустые детские миски на столе, потом медный знак, горящий на стене за моей спиной.

И впервые за все годы нашего брака я увидела, как дракон по-настоящему испугался.

Глава 3. Повариха для проклятых наследников

Каэрдан Вейр стоял на пороге моей кухни, и впервые за все годы нашего брака я увидела, что страх может жить даже в драконьих глазах.

Он не был долгим. Всего миг — короткий, резкий, почти незаметный для того, кто не привык рассматривать людей слишком внимательно. Но я за три года брака с этим мужчиной научилась видеть малейшие изменения в его лице, потому что крупных мне почти никогда не доставалось. Не было широких улыбок, откровенных разговоров, ссор до хрипоты, примирений у огня. Были тени у губ, напряжение в пальцах, взгляд, задержавшийся на полвдоха дольше обычного, и вот теперь — страх, который Каэрдан тут же спрятал за злостью.

Его взгляд метнулся от медного знака на стене к пустым мискам на столе. Потом ко мне.
— Где они?

Голос был низким, ровным, но в этом спокойствии уже скрежетал металл. Так, наверное, звучит меч, который медленно вытягивают из ножен, ещё не ударив, но уже решив, что удар будет.

Я стояла между ним и стеной, на которой медным светом горел древний дракон, закрывающий башню крылом. За моей спиной Шуш Ржаной притих у очага. Я не видела его, но почти чувствовала, как кухонный хранитель вжал голову в плечи и перестал даже дышать, если такие существа вообще дышали. Печь потрескивала слишком громко, как будто старалась заполнить собой опасную паузу.

— Кто? — спросила я, хотя прекрасно поняла.

Каэрдан шагнул внутрь.

Дверь за его спиной осталась открытой, и вместе с ним в Медную Печь вошёл ночной холод. Пламя качнулось, вытянулось к стене, но не погасло. Медный знак тоже не исчез. Только стал чуть мягче, будто решил не слепить вошедшего, а смотреть вместе со мной.

— Не играй со мной, Нэяра.

Вчера, ещё вчера, это имя из его уст могло бы ранить иначе. В нём не было нежности, но было что-то привычное, почти семейное. Теперь же оно прозвучало как вторжение. Утром меня перед всем Советом снова сделали Сольм, лишили его дома, его имени и его защиты, а ночью он пришёл в мою кухню и говорил так, будто всё ещё имел право требовать от меня ответов прежде, чем сам произнёс хоть одну правду.

Я медленно сняла с крюка тряпку, вытерла ладони и положила её на край стола. Мне нужно было занять руки. Если бы я оставила их пустыми, Каэрдан мог бы заметить, что пальцы всё же дрожали от усталости и всего того, что не успело превратиться в слёзы.

— Это моя кухня, — сказала я. — Здесь не играют. Здесь едят, моют посуду и стараются не хлопать дверями, потому что она держится на честном слове и старой петле.

Он словно не услышал.

— Таррен и Лиора были здесь.

Не вопрос.

Я посмотрела на пустые миски. Три на столе, четвёртое блюдце Шуша у края очага, крошки от лепёшек, обугленный след на старом дереве, протёртая Лиорой полка. Спрятать что-либо было невозможно, да и поздно. Я никогда не умела врать уверенно, а сегодня не хотела учиться.

— Были.

Лицо Каэрдана стало жёстче.

— Ты привела их сюда?

— Нет.

— Тогда почему в Медной Печи стоят детские миски?

— Потому что дети ели из них.

Он резко вдохнул, и в комнате будто потемнело. Не от света — от его силы. Она не вырвалась наружу огнём, не ударила в стены, но воздух стал плотнее, тяжелее, как перед грозой. Я вдруг слишком ясно вспомнила, что передо мной не просто бывший муж. Дракон. Глава рода. Мужчина, чьё одно слово утром оставило меня без дома, а один приказ мог бы к рассвету вытолкнуть за ворота уже из этой кухни.

Но за моей спиной было тепло очага.

И на столе — миски детей, которые впервые за долгое время ели не в страхе.

Отступать мне было некуда. Разве что в кладовую к мышам, но и там, подозреваю, Шуш Ржаной потребовал бы сначала подмести.

— Они голодали? — спросил Каэрдан.

Вопрос прозвучал грубо, но я услышала в нём не только обвинение. Ещё и что-то такое, от чего злость во мне на мгновение стала острее. Он не знал. Правда не знал, ужинали ли его дети. Где они были, почему ушли, почему старший сын с царапиной на щеке, а младшая прячется в кладовой старой кухни.

И это было не оправданием. Это было хуже.

— Они были голодные, — ответила я. — Разница небольшая, но важная.

— Для кого?

— Для них.

Он сделал ещё шаг. Теперь между нами оставался длинный стол, покрытый пылью, следами муки и пятном от Тарреновой искры. В большом зале между нами утром стоял Совет. Здесь — старое дерево, каша на дне котелка и моя усталость, которая почему-то держала меня крепче, чем прежняя надежда.

Каэрдан опустил взгляд на тёмное пятно.

— Что это?

— Стол.

— Нэяра.

— След от искры Таррена.

Его лицо изменилось мгновенно. Страх вернулся, но уже другой — не перед знаком на стене, а перед тем, что могло случиться.

— Он сорвался?

— Он разозлился.

— Это одно и то же.

— Нет.

Слово вырвалось быстрее, чем я успела взвесить, насколько разумно спорить с драконом посреди ночи в кухне, которую мне дали из милости. Каэрдан поднял на меня глаза. В них уже не было того холодного отсутствия, с которым он смотрел утром в большом зале. Теперь он видел меня. Жаль только, что для этого понадобились его дети, пустые миски и древний знак, оживший там, где, по словам Шуша, сто лет ничего не просыпалось.

— Ты ничего не знаешь о том, что бывает, когда Таррен теряет контроль, — сказал он.

— Возможно.

— Тогда не спорь.

— Я спорю не о его силе. Я спорю о словах. Если ребёнок злится, это ещё не значит, что он чудовище. Если он испугался собственной искры, это не значит, что его нужно закрывать в башне, пока он, как вы говорите, остынет.

Каэрдан замер.

Вот теперь я поняла: Лиора не преувеличивала. Или, по крайней мере, употребила слово, которое в замке действительно считали нормальным. Закрывают, пока остынет. Как перегре-

тый котелок. Как уголь в жаровне. Не мальчик с царапиной на щеке и страхом в глазах — опасность, которую убирают за дверь.

— Кто тебе это сказал?

— Не тот, на кого тебе удобно будет злиться.

Он сжал челюсти. На мгновение в нём проступил тот самый Каэрдан Вейр, которого знал замок: глава рода, привыкший, что ответы получают сразу, а препятствия обходят или ломают. Но Медная Печь не была большим залом. Здесь его власть цеплялась за неровные половицы, за запах каши и хлеба, за медный знак за моей спиной, который горел так, будто слушал не его.

— Где дети сейчас? — повторил он.

— Ушли наверх.

— Одни?

— Так же, как и пришли.

— Ты должна была позвать стражу.

— Я должна была накормить голодных детей, которые оказались в моей кухне ночью.

Он резко обошёл стол, и я невольно отступила на полшага. Не из-за угрозы. Из-за силы его движения, слишком быстрой, слишком властной для тесного пространства. Каэрдан заметил это, остановился и будто заставил себя не подходить ближе.

Странно. Утром он не остановился, когда меня унижали. Сейчас остановился из-за одного моего шага.

Но я не позволила себе принять это за раскаяние. Один жест ещё не меняет человека. Иногда даже драконы умеют быть осторожными, если перед ними не бывшая жена, а знак, который они не понимают.

— Ты не имеешь права вмешиваться в дела наследников рода Вейр, — сказал он.

Вот оно.

Я тихо усмехнулась и сама удивилась этому звуку. Не весёлому, не злому, а уставшему.

— Удивительное дело. Сегодня утром мне объяснили, что я больше не имею отношения к роду Вейр. Вечером этот же род отдал мне Медную Печь, потому что я достаточно ничтожна, чтобы жить у нижних ворот. А ночью тыходишь сюда и говоришь, что я вмешалась в дела наследников, потому что поставила перед ними горячую еду. Может, вы там наверху всё-таки решите, кто я такая? Чужая женщина или удобная виноватая?

Он смотрел на меня долго.

Ветер за открытой дверью шевельнул пламя. Где-то в трубе застонал воздух. Шуш у очага очень тихо пробормотал что-то похожее на “ну наконец-то”, но я решила не оборачиваться. Если Каэрдан ещё не заметил кухонного хранителя, не стоило помогать.

— Тебе следовало отправить их ко мне, — сказал он уже тише.

И вот тут моя выдержка дала трещину.

— Куда? В большой зал, где сегодня праздновали наш развод? К Саверине, которая днём уже рассуждала, как красиво я уйду? К наставнику, который схватил Таррена за плечо так, что мальчик полез из окна? Или к тебе, Каэрдан? Скажи, куда именно я должна была отправить Лиору, которая сидела в кладовой и спрашивала, ненужная ли я теперь тоже?

Он побледнел.

Не сильно, но я увидела.

В этот раз мне не стало легче.

Слова повисли между нами, и я поняла, что сказала больше, чем собиралась. Не потому, что жалела его. Потому что это были слова Лиоры, её маленькая, горькая тайна. Я не хотела отдавать её отцу как обвинение, но, кажется, уже отдала.

Каэрдан повернул голову к столу, к пустым мискам, к полке, где Лиора оставила чистую полосу среди копоти.

— Она так сказала?

— Спроси у неё, если найдёшь способ, чтобы она ответила тебе правду.

Он посмотрел на меня снова, и в его глазах впервые за ночь появилась растерянность. Не слабость, нет. Каэрдан даже растерянным оставался опасным. Но привычный порядок, в котором он был главой, Совет — законом, дети — наследниками, а я — ошибкой брачного договора, явно дал трещину.

И трещина шла не там, где он ожидал.

Медный знак за моей спиной вдруг мягко вспыхнул.

Каэрдан резко повернулся к нему.

Линии на камне налились светом, и я почувствовала, как воздух возле очага потеплел. Не пламя — скорее дыхание старого дома. Шуш высунулся из-за ножки стола, тут же спрятавшись обратно, а потом, видимо, решил, что скрываться от дракона в собственном очаге ниже достоинства, и вылез полностью.

— Если будешь рычать на хозяйку, — заявил он, подбоченившись, — дымоходом выведу. Не посмотрю, что большой, чешуйчатый и весь из себя родовой.

Каэрдан медленно опустил взгляд.

Несколько мгновений он смотрел на Шуша так, как человек смотрит на давно закрытую дверь, которая вдруг сама открылась и ещё посмела его обругать.

— Хранитель, — произнёс он.

— Ага, вспомнил, — буркнул Шуш. — Не прошло и трёх поколений беспорядка.

— Ты должен был исчезнуть.

— Я много чего должен был. Следить за очагом, гонять мышей, ругаться на тесто, воровать лучшие корочки в счёт законной платы. А пришлось спать в копоти, потому что великий род Вейр решил, будто сердце дома можно закрыть на ключ и перенести всю важность наверх, где сквозняки в головах сильнее, чем в коридорах.

Каэрдан не ответил сразу. Его лицо снова стало почти непроницаемым, но теперь я знала: он не спокоен. Слишком неподвижные плечи, слишком ровный подбородок, слишком сильная тень под скулами.

— Нэяра, отойди от стены, — сказал он.

— Зачем?

— Я должен проверить знак.

— Должен кому?

Он посмотрел на меня так, будто вопрос был лишним.

— Я глава рода.

— А я хозяйка Медной Печи. Так мне только что сообщили. Причём не Совет, а тот, кто, кажется, жил здесь задолго до ваших последних решений.

Шуш довольно кашлянул.

— Женщина быстро учится. Одобряю.

Каэрдан сделал движение рукой, словно хотел коснуться знака, но свет на стене вдруг потемнел по краям. Не угрожающе, скорее предупреждающе. Я сама почувствовала это, как чувствуют жар от печи, не приближая ладонь к пламени. Каэрдан тоже почувствовал. Его пальцы остановились в нескольких вершках от камня.

— Он не принимает тебя, — тихо сказала я.

— Это знак моего рода.

— На щитах в галерее тоже знак твоего рода. Там дракон держит башню, будто не выпускает. Здесь он её закрывает крылом. Может быть, дело не только в крови.

Глаза Каэрдана сузились.

— Кто прочёл тебе эти слова?

— Какие?

— Под знаком.

Я обернулась. Надпись всё ещё проступала под медным контуром. Старое наречие, неровные буквы, часть которых я понимала только обрывками: дом, огонь, дети, клятва. Я не успела ответить.

Каэрдан произнёс фразу на языке, который в его голосе звучал грубее и глубже, чем на камне. Слова прошли по кухне, как далёкий раскат. Пламя дрогнуло. На стене медные линии вспыхнули ярче, но к нему не потянулись.

— Что это значит? — спросила я.

Он молчал.

— Каэрдан.

Его имя сорвалось с моих губ раньше, чем я успела вспомнить, что утром обещала себе не ждать от него ничего. Но теперь мне нужен был не муж. Мне нужен был ответ от человека, который, похоже, понял больше меня.

— “Очаг хранит тех, кого кровь назвала бременем”, — сказал он наконец.

У меня внутри стало холодно.

Не от ветра. От смысла.

Кровь назвала бременем.

Я посмотрела на пустые детские миски. На тёмное пятно от Таррена. На полку Лиоры. На пряник, который всё ещё лежал на тряпке, серебряный дракон обвивал башню привычным кольцом, жестоким и красивым.

— Это о них?

— Нет, — резко сказал Каэрдан.

Слишком резко.

— Ты даже не дослушал вопрос.

— Это не о них.

— Тогда о ком?

Он отвёл взгляд.

И всё стало ясно. Не полностью, нет. До правды было далеко. Но в этот миг я поняла главное: Медная Печь открыла не просто старый знак. Она задела то, что в Грозовом Клыке прятали не от меня одной. Возможно, от самих детей тоже.

— Их называют проклятыми, — сказала я.

Каэрдан повернулся ко мне так быстро, будто я ударила.

— Кто?

— Ты хочешь список? Начать со слуг, которые шепчутся у прачечной? Или с наставников, которые хватают мальчика за плечо и закрывают его в башне? Или с взрослых, которые отводят глаза от Лиориных рук? Я не знаю, кто первым произнёс это слово, но дети знают его слишком хорошо. Таррен ведёт себя так, будто обязан защищать сестру от каждого взгляда. Лиора прячет руки не потому, что ей так удобно. И сегодня оба ели за моим столом так, будто горячий ужин для них — нарушение правил.

— Ты не понимаешь, — сказал он глухо.

— Тогда объясни.

— Не тебе.

Вот оно. Снова.

Не тебе.

Раньше я, наверное, проглотила бы эти слова. Отступила бы, замолчала, позволила бы ему решить, где проходит граница дозволенного для бывшей жены. Но за последние часы во мне что-то изменилось. Может быть, это сделала старая печь. Может быть, Лиора своим вопросом. Может быть, Таррен, который сказал, что “ненужные” — их слово. А может быть, я просто устала быть женщиной, которой всё объясняют после того, как уже решили её судьбу.

— Тогда не в моей кухне, — сказала я.

Каэрдан застыл.

— Что?

— Если это не мне, тогда не здесь. В большом зале можешь молчать сколько угодно. Там у вас это хорошо получается. Но Медная Печь сегодня приняла твоих детей, разбудила хранителя и показала знак, который твоя кровь не смогла разбудить сто лет. Если ты хочешь командовать — командуй там, где тебя слушают из страха. Здесь сначала объясняют, зачем тянутся к стене, почему кричат и почему дети твоего рода ночью ищут тепло у женщины, которую утром сделали чужой.

Я сказала это не громко. Без крика, без красивой позы. И всё же слова легли так, что даже Шуш перестал шевелить ложками на поясе.

Каэрдан смотрел на меня, и в его взгляде медленно поднималось что-то тяжёлое. Я не могла назвать это уважением. Слишком рано. Слишком много боли стояло между нами. Но он впервые, кажется, понял, что перед ним не та Нэяра, которую можно молча поставить в конец решения Совета.

— Ты забыла, с кем говоришь, — произнёс он.

— Нет. Сегодня мне как раз очень подробно напомнили. Ты Каэрдан Вейр, глава рода Грозowego Клыка, дракон, перед которым склоняют головы. Ещё ты человек, подавший прошение о разводе и весь день не заметивший, что его дети остались без ужина. Я помню обе части.

Он резко отвернулся.

В этом движении не было слабости, но была боль, которую он не хотел показывать. Я увидела её и не почувствовала победы. Только усталость. Плохая это радость — попасть в живое тому, кто сам недавно ударил тебя так, что дышать трудно.

За дверью послышались голоса.

Я напряглась. Каэрдан тоже. Снаружи кто-то быстро прошёл по двору, потом ещё двое. Слуги или стража, я не сразу поняла. Один голос произнёс моё имя, другой — “наследники”, третий — “внизу”. Слова были разрозненными, но смысл собирался сам.

Слухи уже побежали.

В Грозовом Клыке новости спускались по лестницам быстрее воды. К утру, если не раньше, весь нижний двор будет знать, что бывшая жена дракона кормила в старой кухне проклятых наследников. К обеду добавят, что я пела над котлом, заперла дверь на заговорённый ключ и обещала детям сладости в обмен на верность. К вечеру Совет получит версию, в которой я пыталась украсть родовую силу через кашу.

Я посмотрела на Каэрдана.

Он слышал то же самое.

— Теперь поздно делать вид, что они здесь не были, — сказала я.

— Я разберусь.

— Как? Запретишь им приходить? Прикажешь слугам молчать? Накажешь Таррена за то, что он искал Лиору? Или Лиору за то, что она хотела есть?

— Достаточно.

— Нет, не достаточно. Ты пришёл сюда и требуешь ответы, но сам опять собираешься унести все решения наверх. А я останусь внизу, и ко мне утром придут не твои мысли, а чужие обвинения.

Он сжал пальцы.

— Никто не тронет тебя этой ночью.

Я усмехнулась.

— Щедро. Особенно после того, как утром ты сам отдал меня Совету.

Слова прозвучали тише, чем я ожидала. И больше.

Каэрдан вздрогнул едва заметно. Не от злости. От того, что услышал.

— Нэяра...

— Не надо.

Я подняла руку, останавливая его раньше, чем он скажет что-то неправильное. Или правильное, но слишком поздно. Сейчас любая попытка смягчить утро казалась бы мне ещё одним тонким ножом. Я не хотела слышать “так было нужно”. Не хотела “я не мог иначе”. Не хотела даже “прости”, если за ним не стояло ничего, кроме испуга перед проснувшейся стеной.

— Твои дети ушли наверх, — сказала я. — Проверь, добрались ли они. Это сейчас важнее, чем спорить со мной.

Каэрдан молчал.

Потом перевёл взгляд на знак.

— Я вернусь утром.

— Дверь открывается не для всех приказов.

— Это угроза?

— Предупреждение от петли, которая действительно может не выдержать, если ею снова хлопнут.

Шуш одобрительно хмыкнул.

Каэрдан посмотрел на хранителя, потом на меня. На миг я решила, что он всё же скажет что-то о разводе, о детях, о Медной Печи, о том страхе, который я видела на его лице. Но он только развернулся и вышел в ночь.

Дверь на этот раз закрыл тихо.

Я стояла неподвижно, пока его шаги не стихли. Потом выдохнула и вдруг поняла, что держалась за край стола так крепко, что под ногтями осталась старая пыль.

— Ну, — сказал Шуш, выбираясь на середину кухни, — живём весело. Хозяйку развели, детей накормили, знак разбудили, дракона напугали. Для первого вечера неплохо.

Я медленно опустилась на скамью.

— Ты мог бы предупреждать, когда стены собираются показывать древние тайны.

— Мог бы. Если бы сам знал. Я, между прочим, тоже проснулся не в лучшем виде. У меня за ухом паук гнездо собирался устраивать.

— Шуш.

Он перестал чесать рожок и посмотрел на меня внимательнее.

— Не жди, что я сразу всё расскажу. Не потому, что вредный, хотя вредный тоже. Потому что очаги помнят иначе, чем люди. Запахами, голосами, клятвами, тем, кто ел за одним столом и кто остался голодным за дверью. Сегодня Медная Печь признала тебя, детей и огонь. Значит, начнёт вспоминать. А когда дом вспоминает, тем, кто строил жизнь на забытом, становится очень неудобно.

Я посмотрела на медный знак. Свет уже слабел, но не исчезал полностью. Дракон всё ещё закрывал башню крылом.

— И что мне делать?

— Спать.

Я моргнула.

— Что?

— Женщина, у тебя вид, будто тебя дважды пропустили через тестомеску, потом посыпали мукой и забыли в холодном углу. Завтра сюда придут слухи, грязь, дети, возможно, разгневанный управляющий и кто-нибудь из Совета, если у них хватит глупости спуститься так низко. Для всего этого нужны силы.

— У меня нет постели.

— Есть скамья.

— Ты очень заботливый.

— Я практичный. Мёртвая от усталости хозяйка плохо командует метлой.

Я хотела возразить, но сил не осталось даже на это. Мы вместе с Шушем устроили огонь так, чтобы он не погас до утра, но и не выскочил из очага. Хранитель ворчал на каждое полено, называл их то “сырой роднёй табуретки”, то “последними приличными костями этой кухни”, и от его ворчания странно становилось легче. Не спокойно, нет. До спокойствия было далеко. Но Медная Печь больше не казалась мне пустой.

Перед тем как лечь на скамью, я достала из сумки шаль, а вместе с ней выпала глиняная фигурка Лиоры. Кривой красный дракон с одним рогом длиннее другого покатился по столу и остановился возле праздничного пряника.

Два дракона.

Один серебряный, красивый, правильный, созданный для большого зала.

Другой неровный, глиняный, слепленный детскими руками.

Я взяла глиняного и поставила у очага. Пряник трогать не стала.

— Он злой, но не всегда, — тихо повторила я слова Лиоры.

Шуш сделал вид, что не услышал. За это я тоже была ему благодарна.

Ночь прошла обрывками. Я то проваливалась в тяжёлый сон, то просыпалась от скрипа двери, которого не было, от далёких шагов во дворе, от собственного сердца, которое всё никак не могло понять, что больше не обязано ждать шагов Каэрдана у моих покоев. Один раз мне показалось, что медный знак на стене светится ярче, но когда я подняла голову, увидела только слабый отблеск углей.

Утро пришло серым и холодным.

Первым делом я вымыла миски.

Не потому, что это было важнее всего. Просто с чего-то нужно было начать, а грязная посуда всегда честнее больших решений. Она не притворяется судьбой. Она стоит перед тобой, липкая, с присохшей кашей по краям, и ждёт горячей воды, песка и терпения. Я таскала воду из бочки у двери, Шуш ругался, что вода “ледяная, как сердце верхнего двора”, а потом всё равно помогал, гоняя со стола пыль маленькой метёлкой, которую нашёл неизвестно где.

К середине утра я уже знала: слухи дошли.

Сначала у двери замедлились шаги. Потом кто-то кашлянул слишком громко. Потом возле окна прошептали:

— Она правда их кормила?

— Обоих?

— А лорд ночью туда спускался.

— Говорят, знак на стене вспыхнул.

— Какой знак?

— Родовой.

— В Медной Печи?

— Тише ты!

Я стояла у стола, замешивая остатки муки с водой и щепоткой соли, и делала вид, что не слышу. На самом деле слышала каждое слово. Слухи пока были не злыми, скорее испуганными и жадными. Нижний двор не любил Совет. Не любил верхние кухни, где обеды считались щедростью, а улыбка распорядителя — милостью. Но дети Вейров пугали всех. А бывшая жена дракона, которую вчера отправили вниз как ненужную вещь, сегодня вдруг оказалась в центре разговора.

Это могло помочь.

И могло погубить.

— Ты слишком мало муки кладёшь, — заявил Шуш, забравшись на край стола.

— Я кладу столько, сколько у нас есть.

— У настоящей хозяйки всегда есть тайный запас.

— У настоящей хозяйки Медной Печи первый день после развода, пустые полки и мыши, которые жили здесь раньше неё.

— Мыши запасливые. Нужно обыскать левый нижний шкаф.

Я посмотрела туда, где стоял покосившийся шкаф с дверцей, припертой кирпичом.

— Если там мышиный король, разговаривать с ним будешь ты.

— Я со знатью не общаюсь без необходимости.

Я впервые за утро почти рассмеялась.

И именно в этот момент дверь открылась.

Не резко. Осторожно.

На пороге стояла Лиора.

Она была в простом тёмном платье, без вчерашних праздничных складок, волосы заплетены неровно, будто она делала это сама или вырвалась раньше, чем горничная успела закончить. Рукава, как обычно, закрывали кисти, но не полностью. Я заметила кончики пальцев.

Не спрятанные до боли.

Просто прикрытые.

За её спиной стоял Таррен. Хмурый, настороженный, с ещё более заметной царапиной на щеке. На нём был учебный камзол, застёгнутый криво. Вид у обоих был такой, будто они не пришли, а совершенно случайно проходили мимо всей тяжестью своего упрямства.

— Мы случайно, — сказала Лиора сразу.

— Очень убедительно, — ответила я.

Таррен быстро оглядел кухню.

— Отец был здесь.

Это прозвучало не как вопрос. У мальчика был слух драконёнка и привычка замечать следы тех, кто для него слишком важен.

— Был.

Лиора напряглась.

— Он сердился?

Я подумала о страхе на лице Каэрдана. О злости. О том, как он сказал “не тебе”. О том, как тихо закрыл дверь.

— Да, — ответила я. — Но не только.

Таррен нахмурился.

— Что значит “не только”?

— Значит, я не собираюсь угадывать за него вслух. Захочет — сам объяснит.

— Он не объясняет.

В этом коротком ответе было столько привычки, что я решила не спорить.

— Тогда тем более не буду делать это за него.

Лиора шагнула внутрь и заметила Шуша. Хранитель сидел у миски с мукой и делал вид, что проверяет качество, хотя на носу у него уже была белая полоска.

— Ты правда не ушёл, — сказала она.

— Я, между прочим, здесь жил до того, как некоторые научились сбегать с ужина.

— Я не сбегала.

— Сегодня уже можешь говорить “случайно проходила мимо”. У нас новая легенда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.